

— Неужели я... лишь один из многих? — голос Чу Ханьюэ дрогнул, срываясь.

Рассудок помутился, словно его волю парализовал чужой, злой умысел. Гнев, вспыхнувший в груди, разросся многократно, застилая взор багряной пеленой. Он машинально схватил меч; сталь со свистом рассекала воздух. Когда оцепенение спало, Чу Ханьюэ замер, не в силах отвести взгляд от алой лужи у своих ног.

Бессмертный почтенный Хуаян лежал в крови. Его тело медленно рассыпалось мириадами золотых искр — так же красиво, как в тот день, когда он обучал Ханьюэ магии, созидая звезды из пустоты.

Чу Ханьюэ упал на колени. Ноги стали ватными, не держали.

Что он наделал? Почему сорвался? Почему потерял контроль над собой?

Он поднял ладони и вздрогнул. Руки были по локоть в крови. Он замер в ужасе; Ханьюэ принялся лихорадочно оттирать липкую влагу об одежду, но наткнулся на живот. Ребёнок.

Это лишь сон. Он убил Бессмертного почтенного во сне.

Но как он здесь оказался? Чу Ханьюэ тряхнул головой, пытаясь разогнать туман в мыслях, но память пустовала. Он не помнил, как вошёл в этот морок, не понимал, почему застал Цинь Фэна с другим и почему впал в такое неистовство.

Туман за его спиной шевельнулся. Из марева соткался мужчина; он склонился к самому плечу Ханьюэ, почти касаясь его спины, и прошептал в самое ухо:

— Не верь ему. Он лишь забавляется с тобой. Ты для него — игрушка, и те же слова он шептал сотням других до тебя.

Мужчина раскрыл ладонь. На ней копошилась красная букашка, в несколько раз крупнее тех, что они видели в колодце. Были отчетливо видны лапки и чешуйчатые крылья. Незнакомец дунул Ханьюэ в ухо, и букашка скользнула внутрь, исчезая в ушной раковине.

Чу Ханьюэ, в чьем сознании едва забрезжила ясность, вновь остекленел. Он застыл на коленях, словно деревянная марионетка, и бездумно повторил:

— Не верь ему...

— Хочешь ли ты, чтобы он был с кем-то другим? — вкрадчиво спросил мужчина.

Чу Ханьюэ тяжело, механически качнул головой:

— Нет.

— Тогда оставь его в своём сне навсегда, — незнакомец вложил в его пальцы талисман. — Сожги это, смешай пепел с водой и дай ему выпить. Тогда он навеки останется пленником твоих грёз.

— Наставник! — голос Цинь Фэна прорезал мглу.

Он долго плутал в тумане, прежде чем нашёл Чу Ханьюэ. Увидев за спиной любимого постороннего, Цинь Фэн в ярости бросился вперёд, но мужчина ускользнул прежде, чем его успели схватить. Ханьюэ, потеряв опору, завалился на бок.

Цинь Фэн подхватил его, прижал к себе и быстро проверил дыхание. Ровное. Ран нет. Только тогда он позволил себе выдохнуть.

— Ты слишком медлителен. Видимо, смертная плоть и впрямь не может тягаться с божественной сущностью, — незнакомец смотрел на Цинь Фэна с мягкой, почти ласковой улыбкой, но с ледяной пронзительностью.

Цинь Фэн взмахнул рукой, разгоняя густую известь тумана, чтобы рассмотреть противника. Мужчина был облачен в те же одеяния, что и статуя в храме. В руках он сжимал цитру, лицо его больше не скрывала белая ткань. Красота этого существа была ослепительной — если бы в шести царствах выбирали первого красавца, он занял бы это место без споров.

Цинь Фэн смутно припоминал некий рейтинг. Сам он тогда попал в тройку, не прикладывая усилий: вторым был Небесный Император, а первым — Шаошан. Глядя на врага, Цинь Фэн подумал, что, кроме первого места, всё остальное в том списке было чистой воды фикцией.

— Что ты здесь забыл? Пришёл истреблять демонов? — Цинь Фэн принюхался. — Но почему от тебя самого разит злом?

Он повёл носом, прищуриваясь.

— Тут не только аура яо. От тебя пахнет демонами. Эта скверна почти поглотила твой бессмертный дух.

— Я сам желал скрыть эту тошнотворную святость, — Бессмертный почтенный Шаошан тонко улыбнулся. — Кому нужно быть святым или богом? Я предпочёл путь обратной и демонов. Мне нравится убивать тех, кто поклоняется мне, облачившись в одежды собственного идола.

Шаошан изящно усмехнулся:

— Я не просто убиваю их. Я пожираю их внутренности.

— И поёшь ты прескверно. Неудивительно, что раньше ты всегда молчал, — Цинь Фэн сокрушённо покачал головой. — Или эти тёмные практики испортили тебе голос? И зачем ты так старательно тянешь ноты, подражая женщине?

Шаошан помрачнел.

— Я говорю тебе, что вырезал целые деревни, а тебя заботит мой вокал?

— Ну хорошо, зачем ты их убиваешь? Потому что они сказали, что у тебя нет слуха? — Цинь Фэн вскинул бровь. — Представляю картину: ты, польщённый их подношениями, сходишь с небес, решаешь одарить их песней, а в ответ — холодные насмешки. Тебя превозносили в эмпиреях десять тысяч лет, и ты не выдержал удара по самолюбию? Но зачем есть потроха? Неужели не противно? Ты всегда казался мне таким... утончённым, а ведёшь себя как дикий зверь.

— Не смей гадать о моих мотивах! — Шаошан, не выдержав болтовни, в ярости стиснул кулаки.

Он с силой ударил по струнам. Несколько багряных лучей, острых как бритвы, метнулись к Цинь Фэну, но разбились о золотую преграду в паре шагов от него.

— И всё же, почему? — Цинь Фэн перехватил Чу Ханьюэ, устраиваясь поудобнее. — Мы ведь почти не встречались раньше, я тебя совсем не знаю.

— Потому что я ненавижу их поклонение! — Шаошан вспыхнул вековой злобой. — Десять тысяч лет назад смертный император польстился на мою красоту. Угрожая жизнями моих близких, он запер меня в глубине своего дворца. Я прошёл через все круги ада, прежде чем смог покончить с собой. Я думал, что смерть принесёт свободу, но вместо этого я стал богом.

Цинь Фэн понимающе хмыкнул:

— То есть сначала тебя пленил император людей, а потом... Небесный Император?

Цинь Фэн поморщился. Ему совершенно не хотелось выслушивать грязные сплетни о своём начальстве.

— Да. Он не просто унижал меня и забавлялся моим телом — он воздвиг мне храмы. Он заставил людей молиться мне, он самолично исполнял желания тех, кто приходил ко мне с просьбами, чтобы возвеличить мою божественную силу. Чем больше они молились, тем

сильнее я становился. Он думал, что этим радуется меня. Меня тошнило от этого.

Шаошан скривился, но даже в этой гримасе ярости он оставался безупречно красив. Редкий человек смог бы отвести от него взгляд.

— Но при чём тут невинные крестьяне? Если хочешь мести — иди и убей Небесного Императора.

Цинь Фэн кашлянул. Признать это было неприятно, но Тянь-ди и впрямь поступил паршиво. Нельзя добиваться любви силой, но и Шаошан явно тронулся умом от таких потрясений.

— Ты думаешь, я не пытался? — Шаошан заскрежетал зубами. — Но мне не хватает сил. Я случайно услышал, как Император сказал, что во всех мирах есть лишь один человек, способный его убить. И это ты. Поэтому я решил поглотить твою силу до последней капли.

Цинь Фэн усмехнулся:

— Он слишком высокого обо мне мнения. Так значит, события прошлых дней — твоих рук дело?

— Моих, — Шаошан ослабилась. — Ты спустился в мир людей для прохождения испытания и лишился божественных сил. Для меня это лучший шанс. Пусть я не могу забрать всё сразу, за несколько раз я выпью тебя досуха.

Цинь Фэн холодно сощурился:

— Раз ты считаешь, что я могу убить Императора, с чего ты взял, что я не смогу прикончить тебя?

— Потому что сейчас ты — всего лишь смертный, — Шаошан заметил, как его рукава начинают осыпаться золотой пылью, и поспешно отступил. — При перерождении нельзя являть истинный облик. В прошлый раз ты рискнул и потратил на это уйму сил. Хватит ли тебя на второй раз?

— Так, значит, в прошлый раз ты специально вынудил меня раскрыться? — Цинь Фэн не успел договорить: Шаошан сорвался с места и исчез в тумане.

Стоило ему уйти, как из тьмы выступили три девы. У всех были лица той самой «Нианг-нианг» из колодца: кровавые провалы вместо глаз и рты, разорванные до самых ушей.

Они беззвучно смеялись, широко разевая пасти, из которых клубами вырывался ядовитый красный дым.

<http://bllate.org/book/17570/1659382>